

Обычный день, ничем не отличимый от других, но почему-то кажется, что торговцы на рынке кричат тише, расхваливая свой товар. Даже солнце светит не так ярко, несмотря на то, что в небе ни облачка. Обманчивая безмятежность, когда не зная, откуда идет угроза, человек старается не обращать внимание на сигналы интуиции. Глупая попытка избежать неизбежного и надежда, что если сделаешь вид, что все хорошо, то так и окажется. Впрочем, не будем винить обычных людей, ведь даже те, кто обладал силой и властью, не могли предположить, что произойдет ночью, и как деревня встретит рассвет. Однако, это будет немного позже, а сейчас лишь начало того дня, что станет точкой отсчета для всего Листа и определит судьбу двух семейных пар и их младших детей.

Раннее утро. По пустынной дороге, направляясь к выходу из деревни, идет красноволосая женщина в сопровождении дамы в возрасте, в чьих волосах уже появилась первая седина. Они не торопятся, тем более у красноволосой одежда заметно обтягивает тугой животик, однозначно намекая на то, что она в положении. Ей опасно торопиться, хотя из-за ее характера истинной химе Клана Узумаки, Кушине, как звали беременную женщину, было сложно сдерживать то и дело возникающие порывы. Однако, ради ребенка она старалась сдерживаться и вести себя благопристойно, что не всегда у нее получалось. Правда, сейчас она сама не торопится куда-то идти, суетливые движения выдают то, что она нервничает, возможно, даже паникует.

Правда, Кушина со своей сопровождающей не успевает дойти до ворот деревни, как видит, что ей навстречу идет черноволосая девушка со свертком в руках. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это красивый пухлощекий ребенок, тщательно завернутый в пелёнки. Обе женщины, завидев друг друга, радостно улыбаются, хотя небольшие черные тени под глазами черноволосой выдают ее подлинное состояние, но Узумаки не видит состояние своей подруги, уж слишком она взбудоражена.

— Доброе утро, Микото! — первой здоровается Кушина и, не дожидаясь ответа, тянет шею, чтобы заглянуть в сверток, что держит Учиха.

— Доброе утро, Кушина, Бивако-сама, — обозначив небольшой поклон, отзывается черноволосая и, прекрасно видя любопытство своей подруги, как и сопровождающей ее

Сарутоби, немного разворачивает сверток, и позволяет им взглянуть на того, кого она несла.

— Какая прелесть! — восторженно охает Узумаки и тянется потрогать бархатную щечку малышки, что увидела. — Это девочка?

— Да, Учиха Саске, — гордо отвечает Микото, хотя в ее глазах плещется тоска.

— Э, Саске, да? Как деда Сандайме Хокаге? — одобрительно кивает Бивако, осматривая крепенького на вид младенца.

— Да, мы хотим, чтобы она в будущем стала таким же сильным шиноби, — на сей раз улыбка у Учихи выходит бледной, губы ей никак не подчиняются и не складываются в улыбку. Однако, женщины не успевают ничего спросить, как ребенок, разбуженный голосами, открыл глаза. Не черные, а, как пепел, серые, неподвижные, безжизненные.

— Что ж, будем надеяться, у вас все получится, — резко хватая за локоть замершую Кушину Бивако и тянет ее дальше. — Кушина, нам пора.

— Микото, а рожать не больно? — сопротивляясь и не давая себя утащить, в глупой надежде отвлечь и развеселить, громко шепчет Узумаки.

— Ээээ, неожиданно, — нехитрый маневр удастся, черноглазая расплывается в насмешливой улыбке и уже не так обреченно смотрит вперед. — Оказывается, ты, Кушина, боишься боли.

— Кушина, идем, — наконец-таки попытки сдвинуть упрямую Узумаки увенчались успехом, и Бивако не стала больше задерживаться, хотя желание остановиться и вправить мозги джинчурики у нее были. Но, так или иначе, они не остановились и шли дальше уже молча. Каждая думала о своем, но перед глазами обеих то и дело мелькали безжизненные глаза ребенка Микото. В Клане, где основное сокровище — это зрение, слепота — приговор.

Впрочем, Кушина недолго смогла предаваться грустным мыслям, не успели они дойти до места, которое определили ей для родов, как у нее начались схватки. Кое-как, при поддержке Бивако, она смогла дойти до убежища, а после ее подхватил на руки уже ожидающий там муж. Роды были тяжелыми и продолжительными. Болезненные схватки и попытки Кьюби прорвать печать только усугубляли положение и изматывали будущую мать. Ее организм стал сдавать, и она, только на остатках упрямства, оставалась в сознании, но внезапно пещеру огласил детский крик. Первенец Хокаге появился на свет.

Радость двух родителей, которые наконец-то увидели свое дитя, была безмерной, но недолгой. Нужно было усилить печать, сдерживающую биджу, поэтому, оставив заботы о новорожденном на Бивако и помогающего ей ирьенина, Хокаге решительно простер руки над животом своей жены. Однако, ничего не успел сделать, он услышал короткий вскрик, и, резко повернувшись, Минато видит, что ирьенин и Бивако мертвы, а его сына держит неизвестный в маске. Времени на раздумья нет — незнакомец стремится убить дитя. Выбор пришлось делать быстро, и он был в пользу ребенка, но из-за этого Намикадзе приходится оставить ослабленную жену одну.

Возникает ненависть к самому себе, ведь он оставил Кушину рядом с тем мутным субъектом. Поэтому Минато не колеблется, оставляя ребенка дома в кроватке, что они несколько месяцев назад старательно выбирали вместе с Кушиной для него. А после Йондайме не сомневается и исчезает в желтой вспышке, чтобы через пару секунд спасти свою жену от ярости порабощенного незнакомцем Кьюби. Он торопится увести любимую из опасного места, и самым защищенным оказывается их собственный дом, где уже находился их малыш.

Оставив жену в доме, Хокаге отправился на защиту родного селения. Он едва успел перехватить биджудаму, которой выстрелил Кьюби, после чего его атаковал мужчина в маске. Минато пришлось перемещать себя с нападающим подальше от Конохи, ибо он боялся еще сильнее повредить Листу во время боя, да и Девятихвостого, что резвился в деревне, со счетов сбрасывать не стоило. Именно из-за него Намикадзе хотел закончить бой как можно быстрее, но он быстро откинул эти мечты, ведь противник был не из легких. Мало того, что он знал слабости его любимой техники, так он еще умел становиться нематериальным! Обмен ударами ничего не давал, ведь, если появлялась опасность для Минато, тот уходил Хирайшином, благо

меток он раскидал на поляне, ставшей полем боя, достаточно. Зато, если удар мог достичь противника Хокаге, тот мгновенно терял материальность.

Оба противника были сильны, но если Йондайме торопился, то его оппонент не спешил. Однако каждый из них понимал, что танцевать друг напротив друга долго не выйдет, именно поэтому Минато решился на риск. Бросок куная, который, ожидаемо, проходит сквозь маску врага, но он не медлит, бросившись к противнику в тот же момент, когда с его рук сорвался смертоносный кусок железа. Он отстает от него не более, чем на метр. В руке уже вихрится Рассенган, но оба видят, что незнакомец успеет не только увернуться, но и схватить Хокаге за шею. Однако, Намикадзе не сплеховал. Стоило материальным рукам прикоснуться к воротнику на его шее, как он переместился по пролетевшему дальше кунаю и впечатал в спину врага Рассенган. Противник повержен, но ничего еще не кончено. Знание печатей позволяет Минато разорвать договор между Кьюби и человеком, а после он хладнокровно сворачивает шею парню в маске и запечатывает его в свиток. Позже он обязательно посмотрит и узнает, кто же его атаковал.

Яростный рев выбитого из деревни Кьюби сотрясает воздух и заставляет Хокаге собраться и переместиться поближе к разворачивающимся событиям. Быстро поняв, что выход из-под чужого контроля не изменил желание Девятихвостого стереть Коноху с лица земли, Йондайме решает его перезапечатать в собственном сыне, но пока... Пока требовалось переместить Лису как можно дальше от Листа, ведь он уже достаточно натворил бед, и ему совсем неважно, что чакры осталось не так уж и много, главное — спасти деревню, что он поклялся защищать. Вызов Гамабунты, который свалился на голову Лису, сожрал приличный кусок оставшейся чакры, а перенос сына с Кушиной, которая не захотела их бросать, выжал его досуха. Чакры не осталось совсем и, несмотря на то, что его жена обездвижила биджу, положение у них оказалось незавидным. Впрочем, молодой Хокаге не успел надеть глупостей, на поляну выскочил Сандайме Хокаге с сопровождающим его отрядом АНБУ.

— Минато, что с Бивако? — единственный вопрос, что задал старик, проходя сквозь установленный Узумаки барьер, а на его руке вспыхнул и осыпался браслет-пропуск.

Намикадзе не смог ответить на вопрос и просто отвел глаза.

— Понятно. — одинокая слеза скатилась по морщинистой щеке, а после Хирузен подобрался, и

минутная слабость прошла. — Я так понимаю, вы хотели запечатать Зверя в собственном сыне?

— Да. — виновато склоняет голову Минато. — Я хотел использовать Шики Фу...

— Хорошо, но это сделаю я. — руки старика складывают печати Шики Фуджин, а он негромко начинает говорить. — Вы молоды, у вас все впереди, а мне больше нечего терять.

— Сандайме-сама! — прерывисто шепчет Кушина.

— Все в порядке. — качает головой Сарутоби и, запечатав половину Кьюби в себе, подходит к спящему на алтаре малышу. Он не успевает до него дотронуться, как огромная лапа с острым когтем, стремится раздавить его вместе с ребенком. Намикадзе невероятным усилием создает Каменную стену, а после теряет сознание, хотя и успевает заметить, что стена замедлила Девятихвостого, и этого времени хватило для создания и активации печати Восьми Триграмм. Однако, он уже не видел, как печать втянула в себя изрядно уменьшившегося Кьюби, а после опали цепи его жены, и та, кашляя кровью, упала на землю.

Продолжение следует...

<http://tl.rulate.ru/book/53766/1362373>